

— Ань Монянь, ты правда не боишься смерти? Веришь или нет, я сейчас выброшу тебя в море на корм рыбам? — ледяным тоном пригрозил Фу Чэнцзэ.

Ань Монянь приподнял уголки губ в легкой улыбке. Она была настолько чарующей, что Фу Чэнцзэ замер на месте: его сердце будто что-то легонько кольнуло, вызвав странный зуд.

— Ты...

Не успел Фу Чэнцзэ договорить, как Ань Монянь внезапно снова уселся ему на колени.

— Стань моим покровителем, а? Ну пожалуйста, — неожиданно выпалил Ань Монянь, сразив всех наповал.

Как только эти слова сорвались с его губ, вокруг воцарилась тишина. Все присутствующие с изумлением смотрели на бесстыдного и дерзкого Ань Моняня.

Фу Чэнцзэ с ироничной усмешкой на губах холодно спросил:

— Почему? С какой стати мне брать тебя на содержание?

Еще несколько дней назад Ань Монянь отверг его и выставил на посмешище, а теперь снова взялся за старое. Что он задумал? Убийственный гнев в душе Фу Чэнцзэ разгорался всё сильнее: у него не было ни капли терпения к тем, кто осмеливался раз за разом бросать ему вызов.

— Потому что я красивый, — с самым невозмутимым видом ответил Ань Монянь.

В его представлении содержанками становятся только очень красивые люди. Неужели он некрасив? Все, кто его видел, твердили об обратном, да и на улице люди постоянно заглядывались на него.

Фу Чэнцзэ молча смотрел на Ань Моняня, ошеломленный его заявлением. По правде говоря, Ань Монянь был действительно хорош собой — пожалуй, даже красивее всех, кого он когда-либо встречал. Но от этих самодовольных слов ему хотелось лишь устало приложить ладонь ко лбу.

Впрочем, такой Ань Монянь казался довольно забавным. Фу Чэнцзэ почувствовал слабый интерес и продолжил допрос:

— А кроме этого?

Ань Монянь задумчиво нахмурился, а затем ответил:

— У меня еще много сил, я могу помогать тебе во многих делах.

Фу Чэнцзэ уже испытал силу Ань Моняня на себе той ночью, и одно лишь воспоминание об этом вызывало у него раздражение. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя настолько униженным: какой-то хрупкий, изнеженный красавчик едва не сбросил его с кровати.

— И это всё? — Фу Чэнцзэ не хотел обсуждать тот случай и поспешно сменил тему.

Разве быть красивым и сильным недостаточно? Фу Чэнцзэ слишком уж придирчив, подумал Ань Монянь, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Но ради выполнения задания и восстановления своей магической силы ему пришлось стерпеть.

Подумав еще немного, он вспомнил кое-что, что его самого очень радовало, и с воодушевлением произвел:

— Мое тело тверже, чем у тебя! Это считается?

Фу Чэнцзэ рассмеялся в голос и с нескрываемым пренебрежением окинул Ань Моняня взглядом с ног до головы. Не то чтобы он смотрел на него свысока, но Ань Монянь выглядел как типичный слабак, который и дня не провел в тренажерном зале. У такого худощавого существа тело должно быть мягким и приятным на ощупь.

Заметив, что Фу Чэнцзэ ни во что его не ставит, Ань Монянь поспешно воскликнул:

— Это правда! Если не веришь, потрогай сам!

Он схватил руку Фу Чэнцзэ и прижал ее к своему животу, после чего гордо добавил:

— Видишь? Мясо на моем животе совсем не мягкое! Оно очень твердое!

Фу Чэнцзэ, ощутив под рукой живот Ань Моняня, замер. Он уже собирался что-то сказать, но его поразила тактильная отдача. Живот Ань Моняня действительно был твердым как камень. Он слегка надавил еще пару раз — мышцы и правда были жесткими.

Видя изумление на лице Фу Чэнцзэ, Ань Монянь победоносно заявил:

— Ну вот, я же не врал. Мое тело действительно тверже твоего!

— Как такое возможно? Почему твое тело такое? — Фу Чэнцзэ наконец проявил искренний

интерес и удивленно спросил.

— Этого я тебе не скажу! — Ань Монянь склонил голову набок и ответил с очаровательным высокомерием.

Сейчас, когда он лишился магической силы, что будет, если Фу Чэнцзэ узнает, что он дух камня, и решит его препарировать? Он не попадет на эту удочку!

— Тогда скажи, твое тело всегда такое твердое? Оно не может стать мягким? — Фу Чэнцзэ снова ткнул пальцем в живот Ань Моняня, сгорая от любопытства.

Ань Монянь сердито зыркнул на него, прикрыл живот одеждой и с самым серьезным видом ответил:

— Может. Но я позволю коснуться своего мягкого живота только тому, кого люблю. Остальным — ни за что.

Если Ань Монянь становился мягким, это означало, что он в своей самой уязвимой форме. В такой момент любая атака могла серьезно подорвать его жизненные силы и даже поставить жизнь под угрозу. Поэтому он позволял касаться себя лишь тем, кого любил и кому доверял, а таких людей пока что не было.

— Разве ты не хочешь, чтобы я стал твоим покровителем? Значит, ты должен меня любить. Позволишь мне коснуться твоего мягкого живота? — тон Фу Чэнцзэ сейчас напоминал волка, заманивающего в ловушку маленького кролика.

— Нет, я тебя не люблю и не позволю тебе трогать меня, — без колебаний и очень твердо отрезал Ань Монянь.

<http://bllate.org/book/20218/2012591>